

3. Карамзин, Н. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. – М., 1802.
4. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // История государства Российского. – М., 1989. – Т. 10–12. – С. 472–530.
5. Карамзин, Н.М. Мнение русского гражданина / Н.М. Карамзин / Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. – СПб., 1862. – С. 3–20, 27–28, 29–30, 194–195.
6. Кислягина, Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М.Карамзина / Л.Г. Кислягина. / История государства Российского / Н.М. Карамзин – М., 1989. – Т. 1. – С. 480–514.
7. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 688 с..
8. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218–417.
9. Манфред, А.З. Наполеон Бонапарт / А.З. Манфред. – М., 1976.
10. Мироненко, С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия / С.В. Мироненко. – М.: Мысль, 1990. – 238 с.
11. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. / А.С. Пушкин. – М., 1957. – Т. II.
12. Пыпин, А.Н. Общественное движение в России при Александре I / А.Н. Пыпин. – СПб., 1908.
13. Сахаров, А.Н. Николай Михайлович Карамзин / А.Н. Сахаров / Историки России XVIII – XX веков. М., 1996. – С. 78–123.
14. Эйдельман, Н. Последний летописец / Н. Эйдельман. – М.: Книга, 1983. – 176 с.
15. Czuby, J. Rosja i świat. Wyobraznia polityczna elity władzy imperium Rosyjskiego w poczatkach XX w. / J. Czuby. – W., 1997. – 211 s.
16. Nowak, A. Radzieckie biografie Karamzina (w związku z książkami: Natan Ejdelman, Poslednij lietopisiec, Moskwa 1983, s. 174; Jewgienij Osietrow, Tri žizni Karamzina, Moskwa 1985, s. 302) / A. Nowak // Przegląd Historyczny. – Т. XXVII. – 1986. – Zesz. 4. – S. 745–751.
17. Bazyłow, L., Historia Rosji / L. Bazyłow. – W., 1985.
18. Madej, Z. Rosyjskie zmagania cywilizacyjne / Z. Madziej. – W., 1993.

УДК 947.6

**«МЕЖ ДВУХ ИМПЕРИЙ». ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ В 1812 ГОДУ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.**

СМ. Логоцкий

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье дается краткая оценка освещению событий Отечественной войны 1812 года на территории Западной Беларуси советской историографией.

In the article the short estimation is given to reveal the main approaches of the Soviet historiography to the Patriotic War of 1812 in the territory of the Western Belarus

Различные аспекты войны 1812 года в Западной Беларуси актуальны уже тем, что в советской историографии традиционно отмеча-

лась любая мысль о возможности воссоздания исчезнувшего в результате разделов Речи Посполитой Великого княжества Литовского. Западно-белорусские земли рассматривались как неотъемлемая часть единой Российской империи, которая с первых же дней восприняла поход Наполеона как Отечественную войну против поработителей, а не как освобождение их от российского владычества.

При обилии литературы по Отечественной войне 1812 г. в советской историографии господствует общий взгляд на события лета 1812 г., высказанный Н.Ф. Гарничем в книге "1812 год": "Перейдя границу России и вступив в Литву, Наполеон издал прокламацию, в которой было напечатано, что, переправившись через Неман, его войска ступили на неприятельскую землю. Основываясь на этом объявлении, наполеоновские войска стали смотреть на Литву как на враждебную им страну ... Разноплеменная, захватническая армия Наполеона не имела других целей, кроме грабежей, насилий, убийств и поджогов".

Неоднократно подчеркивая единство Российской империи, многие советские авторы указывают, что западные губернии многое делали для укрепления российской армии. Так, военные историки Л.П. Богданов и А.А. Строков, освещая проблему комплектования вооруженных сил России, отмечали, что "в офицеры производились юноши, окончившие военные учебные заведения, и унтер-офицеры из вольноопределяющихся дворян. В 1800 г. были следующие средние военно-учебные заведения: 1-й и 2-й кадетские корпуса, Гродненский кадетский корпус и дворянское отделение императорского сиротского дома...» [1].

Подчеркивая тяжесть рекрутчины как системы комплектования русской армии, К.И. Тарасов отмечает особенность отношений, которые сложились между русскими и белорусскими солдатами в рядах армии: они не были отделены друг от друга, как иные национальные подразделения. И, по подсчетам того же К.И. Тарасова, к 1812 году в армии Российской империи "белорусский народ, составлявший в 1811 году десятую часть 40-миллионного населения империи, поставлял в регулярные войска до 15 процентов рекрутов"[2].

Большинство советских авторов, подчеркивая значение Бородинского сражения и битвы под Малоярославцем, Смоленского сражения, почему-то зачастую забывают, что значительную тяжесть войны несла на себе Беларусь. В результате Наполеоновской авантюры народ Беларуси потерял около миллиона человек — каждого четвертого. Довоенный уровень населения был превзойден на 400 тысяч человек лишь в 1863 году.

Две из трех российских армий находились фактически на терри-

тории Литвы и Западной Беларуси (1-я — командующий М.Б. Барклай де Толли и 2-я — командующий П.И. Багратион) [2], казачий корпус М.И. Платова находился непосредственно в районе г. Гродно. Несмотря на довольно быстрое отступление этих армий в глубь империи, все-таки отмечаются советскими историками крупные бои между войсками 2-й Западной армии и противником юго-восточнее Новогрудка, в районе населенных пунктов Кореличи и Мир. Здесь проявили себя казаки Платова, разгромившие дивизию уланов генерала Турно [3].

Вероятно, именно здесь развеялись планы Наполеона на молниеносную войну: 20-дневный запас продовольствия был съеден, надежда на захват армейских продовольственных складов, расположенных в приграничных городах Беларуси и Литвы, не оправдалась — большинство их было сожжено отступавшими русскими частями, исправляя ошибку военного ведомства Российской империи, что неоднократно отмечено советскими историками.

В отличие от занятых русских областей, где действовала оккупационная администрация, Беларусь и Литва считались "освобожденными от русского ига". Наполеон, оставшийся в Вильно после начала военных действий для упорядочения государственных вопросов, на третий день дал согласие на образование Комиссии Временного правительства Великого княжества Литовского, которое присягнуло Наполеону, т.е. часть польских, белорусских и литовских магнатов формально выставили Беларусь и Литву как бы в качестве союзников Франции. Но, и это отмечают Н.Ф. Гарнич, К.И. Тарасов и другие исследователи, Наполеон за обещание воссоздать Великое княжество Литовское потребовал огромных поставок продовольствия и 100-тысячную армию. Комиссия Временного правительства, оценив ситуацию, доложила императору, что реально сможет выставить всего 5 полков пехоты и 4 конных полка. Для пехоты собрали 10 тысяч рекрутов: в Минской и Виленской губерниях — по 3 тысячи, в Гродненской — 2,5, в Белостокской области — 1,5 тысячи. А в конницу брали одного всадника с каждых 75 дворов. В императорскую гвардию собрали легкоконный полк из дворянской и студенческой молодежи под командованием уроженца Слонима, бригадного генерала Конопко. В числе белорусско-литовских войск Наполеона можно назвать и трехтысячный полк уланов князя Д. Радзивила, эскадрон белорусских татар под началом Ахматовича и артиллерийскую батарею, вошедшую в корпус Понятовского. В губерниях и уездах формировалась местная жандармерия, главная функция которой состояла в подавлении крестьянских беспорядков и защите помещичьих дворов. Правда, отряды эти были очень малочисленные. Как отмечает Н.Ф. Гарнич: "Литва быстро превратилась в

сборный пункт пополнений и базу снабжения Наполеоновской армии. Франция хозяйничала в Литве, как в завоеванной колонии" [4].

Несмотря на идею «освобождения», воссоздания Великого княжества Литовского, повсеместно начались грабежи. Занялись мародерством 50 тысяч солдат (больше, чем было в армии Багратиона). Кстати, все авторы отмечают, что французы почти не замечены в грабежах. Большой частью этим занимались их соратники по "великой армии" (баварцы, вестфальцы, хорваты). К мародерству прибавилось дезертирство. В лесах западных губерний скрывались до 60 тысяч солдат армии вторжения.

Закономерно возникшее сопротивление в районах занятых армией Наполеона: либо пассивное — невыполнение поставок, уход целыми деревнями в лес, либо активнее — убийство реквизиторов, партизанские действия по уничтожению групп вражеских солдат, захвату провиантских обозов и т.п. По оценке советских историков, французская армия, еще не встретившись в крупном сражении с регулярными войсками, значительно уменьшилась.

Как следствие, заметной воинской поддержки "великая армия" в Беларуси и Литве не получила. Судьба воинских формирований Великого княжества Литовского сложилась трагично: в первом бою 20 октября 1812 года возле Слонима третий легкоконный полк генерала Конопко был разбит. Сам генерал, семнадцать офицеров и 217 подофицеров попали в плен. Аналогичная судьба, только не на территории Западной Беларуси, встретила и другие войсковые формирования воссозданного Великого Княжества.

Можно считать справедливой оценку многих советских историков, данную временному правительству Великого княжества Литовского, чья власть распространялась на Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии и Белостокскую область, как марионеточному. Как писал Н.Ф. Гарнич: "Никакого, даже местного, самоуправления Литве Наполеон не разрешил. Для управления оккупированной Литвой назначили французского генерала. Вся Литва была разделена на интендантства. На все административные должности назначались специально привезенные из Франции чиновники. В городе Вильно был назначен военным комендантом французский генерал Жомини". Наполеон даже недоимки правительству императора Александра выбил из "департаментов" Великого княжества. Это сильно подорвало бонапартистские настроения даже среди шляхты.

В заключение остается только подтвердить вывод, сделанный Я. Лисом: "... Наполеоном Бонапартом литовско-белорусская карта была разygрана с еще большей жесткостью и более тяжелыми последствия-

ми для народов края, чем это было сделано императором Александром Р[5].

Литература

1. Гарнич, Н.Ф. 1812 год // М.:Госкультпросветиздат, 1956.
2. Жилин, П.А. Гибель Наполеоновской армии в России // М.: Наука, 1968.
3. Ліс, Я. Палігька Напалеона на Беларуі // Спадчына. 1996. №5. – С. 192
4. Строков, А.А. История военного искусства // М.:Воениздат, 1965. – С. 134; Богданов, Л.П. Русская армия в 1812 году // М.:Воениздат, 1973.-С.72.
5. Тарасов, К. Н. Память о легендах // Минск:Польмя, 1984. – С. 133, 142.

УДК 930.1

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.И. Мелешко

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
Г. Гродно, Республика Беларусь.

В данной статье рассматривается развитие исторической антропологии как нового методологического направления в российской историографии. Автор уделяет внимание ведущим ученым, наиболее значимым трудам и научным центрам, оказавшим влияние на формирование антропологических исследований.

The article deals with the development of history anthropology as a new methodological direction in contemporary historical science. The author picks out the most significant works, research centres and leading explorers who influenced up the development of anthropology investigations.

Одной из характерных тенденций современной российской исторической науки следует признать заметное расширение спектра исторических исследований, постановку новых проблем и стремление к обновлению методологического инструментария. При этом именно человек во всем многообразии своего бытия становится центром исследовательских изысканий.

Новым направлением научных исследований является историческая антропология, «исследовательский пафос» которой, как писал А.Я. Гуревич, «состоит в раскрытии человеческого содержания истории – во всех без исключения проявлениях общественного человека, и, главное, в достижении на этой основе качественно нового исторического синтеза» [3, с. 78].

Как писал один из представителей «Анналов» школы Андре Бюргьер, введение термина «историческая антропология» было продиктовано стремлением историков «увязать социальную историю обществ с естественной историей, восстановить в исторических исследо-